

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a woman in a black hijab and a man in a black hooded robe embracing. The woman has a somber expression. They are standing in front of a body of water with a waterfall on the left. In the distance, there are dark, jagged mountains and two small, lit-up pagoda-like structures on either side of the water. A large, full moon hangs in the sky, partially obscured by clouds. A single bird is flying in the upper right. The bottom of the cover is decorated with several large, detailed roses in shades of pink and red.

Самира Лайт

Günesia...

Майна разбитого
Повелительница
Лант

Тайна разбитого

Лайт Самира

**Тайна разбитого.
Повелительница Ланта**

«Автор»

2026

Самира Л.

Тайна разбитого. Повелительница Ланта / Л. Самира — «Автор», 2026 — (Тайна разбитого)

Дэвид Золотов отказался от миллиардного наследства и популярности ради любви к Рамине. После сорванной свадьбы его бывшая невеста покончила с собой, все считают его виновным из-за чего он вынужден скрываться. Отец лишил его акций, заблокировал счета, а теперь отнял и квартиру. Но это лишь начало испытаний. Бывшая возлюбленная Дэвида вернулась из небытия: продав душу дьяволу, она стала повелительницей Лантой и жаждет мести. Под ее предводительством демоны истребляют младенцев, сея ужас и отчаяние. Люди верят однажды родится избранный ребенок, который положит конец царству тьмы. Но как он может появиться на свет, если демоны не оставляют в живых ни одного новорожденного? Рамина и Дэвид должны найти способ защитить будущее — не только свое, но и всего человечества. Смогут ли они остановить повелительницу Ланту? И есть ли шанс на примирение Дэвида с отцом, пока мир балансирует на грани гибели?

© Самира Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тайна разбитого. Повелительница Ланта

Пролог

«Любовь не измеряется квадратными метрами. Она живет там, где два сердца бьются в унисон — даже если под открытым небом»

Лали Крысалонова

Если бы тело было важнее души, то его не клали бы в сырую землю, а душу не возносили бы на небеса. Это могло бы стать отличным началом для моей истории, но моя жизнь не похожа на счастливые сказки. Весь мир считает меня мертвой, той, кто наложил на себя руки. Но как же порой бывает, обманчива реальность.

Я среди вас. Я слышу и вижу.

Что бы вы сделали, если бы вас бросили у свадебного алтаря? Закрылись бы в себе, смирились? Единственное чувство, которое я испытываю — это жажда мести. Все изменилось в тот день, когда мимо меня в свадебном платье пролетела машина Дэвида. А затем я узнала, что он женился на Рамине.

Мало я мучила ее в детстве. А ведь я предупреждала ее, что не потерплю, чтобы кто-то встал на моем пути.

Мое альтер эго отлично сработало. Инсценировать смерть и уйти под дно до лучших времен. Гениально!

Если конечно не считать того, что я продала душу дьяволу. Таких как я называют отшельниками, а место, в котором мы обитаем миром мертвых. Да, конечно мне пришлось расстаться со своим старым телом, но такие небольшие побочки не особо меня волнуют.

Мое новое тело нравится мне даже больше. Оно более взрослое и серьезное. Голубые глаза стали почти прозрачными, ледяными противника. А волосы утратили свой медовый оттенок и налились белизной.

Местной пищей я не питаюсь, ибо то, что они называют едой, у меня вызывает отвращение. Отходы, помет, кости, а из напитков густая кровь и какая-то серая жидкость, похожая на свинец. Потому мое лицо и осунулось, а тело исхудало до костей. Изредка могу полакомиться жареными лягушатами, но и то чревато последствиями.

Отшельники терпеть не могут, когда кто-то выделяется из толпы и идет против правил. Я не раз наблюдала за тем, как они безжалостно перегрызали глотки тем, кто отличился.

По началу, когда я только пришла сюда, то меня не во что не ставили. Мне приходилось прислуживать более статным отшельникам, убирать за ними и делать грязную работу. Например, когда им было лень совершать маленькие проказы для людей, то я с удовольствием забирала это на себя.

Конечно, ведь после пыльной работы, подобная просто, как глоток свежего воздуха!

Отшельники были неконтролируемы и дики, их было не возможно оставить без надзора. Данная картина на редкость надоела Иблису, тому, на чьих цепях находится моя душа и он предложил мне сделку.

Месть что теплится в моем сердце очень заинтересовала его. Он любит подобные чувства, когда нами особенно легко манипулировать. А это мне только на руку. Он поставил меня во главе отшельников и мелких послушных демонишек.

Так я стала повелительницей Лантой.

Теперь я гордо восседаю на троне. Большие никто не смеет унижить меня, и я клянусь, что отомщу!

Дэвид Золотов

Как изменилась моя жизнь со дня нашей свадьбы с Рухи? Оо, координально! Начнем с того, что я никогда не работал кем-то помимо модели для бренда родителей.

Сейчас чтобы заработать на жизнь приходится пахать. Я устроился в небольшую забе-галовку у дома. Соглашусь, выглядит странно, когда я разъезжающий на ламборгини и живу-щий в собственной квартире зарабатываю в подобном киоске.

Я по-прежнему в бегах, хотя уверен родители и не искали меня. Подобная ноша в виде меня им ни к чему. Я не знаю как у них дела, чем они занимаются. Мы не виделись больше месяца. Я сменил номер, так как надоели миллионные звонки от СМИ и друзей. Звонили даже самые дальние знакомые, с которыми мы виделись единожды.

Все хотели оторвать кусочек эксклюзивной информации.

Я подумывал о том, чтобы продать машину, но расстаться с моей любимкой было крайне сложно, поэтому я всячески оттягивал этот момент, пока не подождет. Но с другой стороны я делал это ради другой своей любимки.

— Здравствуйте, нам два карамельных латте и четыре круассана с шоколадом — выры-вает меня из размышлений русая девушка.

— Конечно, сейчас — беру кружки и включаю коцне машину, предварительно добавить внутрь зерна.

Да, когда-то я и представить не мог, что окажусь по ту сторону кассы, а теперь это моя реальность. Складываю ароматные круассаны в крафтовые пакеты и выдаю через отверстие в окне.

— С вам тысяча двести рублей. Карта, наличные?

— QR-код.

Клацаю, нужные кнопки на терминале и, убедившись, что оплата прошла вновь погружа-юсь в свои мысли. За окном уже темнеет, на часов девять вечера и пора закрываться. Надеваю куртку, выключаю свет в ларьке и замыкаю дверь.

В нос ударяет аромат свежееиспеченных синабонов и, кажется, я догадываюсь от кого же он исходит. Резко оборачиваюсь назад и вижу Рухи.

Рекламная пауза. Рухи в переводе с арабского означает «душа моя». Знаете же, кого я так называю? Конечно же, Рамину! Сейчас у нас в жизни новый период. Поэтому хрустальная шкатулка слишком легкое название для этой бойкой дамы.

Да вы вообще знаете, что она сегодня учудила? Устроилась на работу у конкурентов, прямо напротив меня. Говорит, конкуренция закаляет характер. Но, немного поговорив, все же выяснилось, что причина другая. Лепет что-то вроде «Буду следить, чтобы к тебе никто не клеился. А то каждая вторая тараторит о том, какой же красавец работает в булочной».

Сумасшедшая!

Да на меня никто даже не посмотрит. Не имущества, не влияния, простой батрак. Хотя будем честны, я и сам не ушел бы. Иначе, зачем я отказался от всего?

— И как, тебя совесть не мучает перебивать мужу клиентов? — подшучиваю над ней, обхватив за плечо.

— Нисколько. Зато сколько сплетен узнала. Да, ты оказывается завидный жених! — она качает головой в сарказме, а ее медовые глаза блестят от света уличного фонаря.

— А как же! — смеюсь еще громче, а затем, замечая, как она, дрожит от холода, накидываю на нее свою ветровку.

— Ты когда заказы отдаешь, прямо в лицо тычь обручальным кольцом! Я разрешаю. Заразы бесстыжие! Я сегодня уже подраться с одной хотела. Говорит улыбка у него просто ангельская, наверняка ВлЮБИлся!

— Надо же! Что-то, но девушки за меня еще не дрались. Знаешь же, что кроме тебя мне никто не нужен — я говорю, довольно уверено, но она мигом останавливается и заглядывает мне в глаза.

— Ты, правда, меня любишь?

— Нет. — Смотрю на то, как резко Рухи меняется в лице и усмехаюсь в глубине души, при этом, нарочно держа лицо, чтобы окончательно запутать ее. — Я по приколу отказался от миллиардного наследства.

— Ты серьезно?.. — Она вмиг сделала лицо как из кота сапога, из-за чего я не сдержался и расхохотался.

— Сумасшедшая, ты издеваешься? Конечно, люблю!

Она, наконец, улыбается и обнимает меня сильнее. На улице знойный холод. Наш район на окраине Питера довольно тихий, поэтому в такое время редко можно кого-то встретить. Зима диктует свои правила, и, кажется, совсем скоро выпадет снег.

Мы шагаем вперед, надеясь, что доберемся до дома гораздо раньше, чем руки окончательно онемеют. В квартирах мерцают редкие огни. В нос ударяет запах сырости и асфальта.

Дорожные рабочие равняют дорогу. Еще утром тут во всю разъезжала машина, укладывающая асфальт. Пару мужчин сметали грязь с тротуара, из-за чего поднялась пыль. Я поперхнулся, но резко отмахнулся.

— Ты так и не звонил родителям?

— Не-а — мотаю головой и резко становиться неприятно, эта тема расстраивает до невозможности.

— Может хотя бы письмо отправить по почте? Понимаю бабкин вариант, но можно не указывать адрес отправки. Хотя бы чтобы они не волновались.

— Они заблокировали все мои счета, заморозили акции в компании. А крипто вообще упала и все мои вложения прогорели. Сомневаюсь, что их беспокоит, то, как я проживаю.

— Еще и эти новости...

— Какие?

— Все считают, что ты причастен к смерти Лали... Никаких посторонних отпечатков в доме не нашли, но они все равно не стыдятся так говорить! Все паблики только об этом и трещат — она недовольно закатывает глаза и скрещивает руки на груди.

Я не решаюсь ничего сказать. Даже на улицах обсуждают эту новость. Если бы я не носил маску, то местные не дали бы мне житья. Поэтому это вынужденная мера. Даже сейчас я вынужден прятать лицо за этой черной тканью.

Мы подходим к подъезду. Окидываю робким взглядом свою желтенькую ламборгини накрытую брезентом. На месте. Выдыхаю с облегчением. До сих пор не понимаю, как ее не украли, даже ни разу шины не сняли!

Но мне все равно беспокойно. Все-таки она не малых денег стоит.

Рамина достает ключи и прикладывает ключ к входной двери. Она жутко скрепит, давненько никто не смазывал петли, нужно этим заняться. Лампочки загораются по одному, когда мы поднимаемся все выше.

— Завтра Аня с Адамом приезжают. Приглашают нас завтра сыграть в футбол. Ну, я предполагаю, что играть будете вы, а мы сидеть на лавочке.

— Почему? Можете с нами.

— Я не умею...

— Реально? Тогда тем более нужно идти. — она кивает головой, поправляя хиджаб — И как молодожены поживают?

— Вроде все хорошо. Они на пару дней, правда, хотели какую-то новость сообщить.

— Может, Аня беременна?

— Да нет. Так быстро?

— Ну, кто знает.

Едва ли мы успеваем подняться на наш этаж, как перед глазами появляются двое мужчин в пиджаках и две женщины. Они одеты строго, в руках документы и папки, словно только что выбежали из офиса.

Они стоят прямо у нашей квартиры, из-за чего я впадаю в ступор. Рухи достает ключи из кармана пальто и резко переводит озадаченный взгляд на меня.

— Дэвид Золотов? — спрашивает один из мужчин с властным тоном.

— Да... А в чем дело?

Я шагаю вперед, Рамина следует за мной. Мужчина протягивает мне бумаги. В заголовке надпись жирным шрифтом «Право собственности».

— Данная квартира принадлежит вашим родителям. Вы нелегально проживаете на этой территории, пожалуйста, покиньте помещение.

Я услышал то, что больше всего не ожидал. На доли секунду даже решил, что они пришли по делу Лали.

— Что? Это какая-то ошибка. Да, квартира записана на родителей, но они подарили ее мне. Вы можете узнать это у них. Кто вообще вас сюда направил? Это какой-то заговор.

— Иск поступил от Роберта Золотового. Если вы в течение часа не покинете помещение, то мы будем вынуждены обратиться в полицию.

Все последующие слова после этой фразы звучали как в тумане. Внутри все сжалось от злости. Он даже не дал время до утра! Мало было заблокированных счетов, отнятых акций в компании, в которой я батрачил всю жизнь. Так он еще решил добраться и до моего единственного жилья.

Ладно, раз так, то хорошо. Наверняка он думал, что я стану умолять его вернуть все обратно, но до этих пор у него не получилось и никогда не получится меня сломить.

Я ощутил остужающий холод в руке Рамины и стало легче. Главное, что она со мной и если платой за такое счастье, является мое имущество, то я готов ее заплатить.

Я взял ключи и шагнул, вперед отворяя дверь. Внутри было тепло и уютно, хотелось остаться, но было нельзя. Это унылое местечко стало местом счастья благодаря Рамине. Маленькие побрякушки, коврики, картины на стенах, гирлянды, комнатные цвета и аромат печенья с шоколадом.

Адвокат со своими подопечными ворвались внутрь. Они нашли чемоданы и стали вытаскивать вещи из шкафов, запихивая туда. Они даже не давали возможности все аккуратно сложить. А затем, когда чемоданы закончились, взяли большие мусорные мешки и закидывали все туда словно какой-то хлам, а не наши воспоминания.

Некоторые вещи ломались пополам от такого небрежного отношения. А одну из картин с нашей свадьбы и вовсе разбили. Осколки разлетелись в разные стороны, даже деревянная рама треснула, но их это не волновало.

Рухи подлетела туда и успела подобрать фотографию прежде, чем ботинок адвоката накроет его. Она крепко прижала снимок к себе, и у меня в душе что-то дрогнуло. Я видел, как ей больно наблюдать за тем как уютный мир, который она строила рушиться на глазах. Она пыталась скрыть это, чтобы не расстраивать меня, поэтому отводила блуждающий взор, но я видел, как в уголках ее глаз скапливались слезы.

Когда они подошли к горшку с пионом, Рамина вмиг завопила, боясь, что они искалечат и его:

— Стойте! — Она взяла его со стола и прижала к себе — Я возьму только этот.

Этот алый пион, тот самый из букета, который я дарил ей в начале нашего знакомства. Оказалось, что она посадила один, и он даже пустил корни, а аромат от него исходил бесподобный.

Я был так удивлен, когда увидел его. Я столько букетов дарил девушкам, но еще ни одна не делала подобного. В ту секунду я хотел подарить ей все цветы мира, но к моему большому сожалению в кармане не шиша. И я очень ненавижу себя за это.

Те миллионы роз, что я дарил Лали не приносили ей такого счастья, как Рамине маленький букет. На самом то деле я дарил Лали цветы не, потому что хотел, а из-за того, что она требовала. Конечно, ведь ей нужно снимать тысячу сторисов в день, чтобы доказать всем, что ее любят.

Я окинул недоверчивым взглядом квартиру. Она пустовала, дверцы шкафов открыты настежь, на полу валяются осколки, женщины катят чемоданы к выходу, а адвокат тычет мне бумаги об иске.

— Можете ознакомиться с договором в случае претензии.

— Да пропади все пропадом! — цежу я, разрывая эту жалкую копию на мелкие кусочки, которые застилают весь порог.

Рамина подходит ко мне, понимающе кивая, и берет чемодан за ручку, крепко держа горшок в другой руке. Я беру мешок и большой чемодан, переступая через порог.

Мы оборачиваемся, пытаюсь ухватиться за все хорошее, что происходило в этом месте. Рамина кладет голову на мое плечо, в эту же секунду адвокат хлопает дверью, отрезая нас от воспоминаний.

Суровая реальность настала, и как же я хотел переломать всем ноги.

Глава 1

«Желания имеют цену. Иногда она оказывается слишком высокой — и платить приходится не деньгами, а кусками собственной жизни»

Рамина Эдиева

Мы вышли во двор, абсолютно не понимая куда деваться. Мороз пробирал до мурашек, несмотря на то, что на мне было пальто. Дверь подъезда захлопнулась и оцепила нас от той теплой реальности, в которой мы были еще пять минут назад.

В небе сияла полная луна. Она словно молчаливый наблюдатель наблюдала за нашей судьбой каждый месяц. Я взглянула на Дэвида. Голубые глаза блуждали из стороны в сторону. Тяжелые сумки тянули вниз. Спина была сгорблена.

Он был растерян как никогда раньше и, встретившись с моим взглядом, я заметила, как у него на лице пробежалась тень вины. Подул сильный ветер, и я вздрогнула, еле скрывая это, чтобы не расстраивать его еще больше.

Единственным вариантом было сесть в машину. Я покатила чемодан, Дэвид схватил мешок и сумку еще крепче и мы побрели по асфальтированной дорожке. Горшок с пионом в руке грел воспоминаниями, что нес в себе. Его шершавая поверхность приятно щекотала ладонь.

Все чемоданы не поместились в багажник, и пришлось положить их на заднее сидение. Мы сели внутрь и захлопнули двери.

Наступила гнетущая тишина. Дэвид облокотился о руль, запрокинув голову назад, а затем прошептал:

— Прости... — я застыла — Прости, что тебе приходится все это переживать.

Я взглянула на широкое лобовое стекло, открывавшие ночное небо. По телу пробежались мурашки, все отдавало холодом, даже спинка кресла. Было поздно, на тело накатила усталость после тяжелого рабочего дня. Но я знала, что мы выкарабкаемся.

— Знаешь, я всегда мечтала полежать вот так под открытым небом — пытаюсь хоть как-то успокоить его. Дэвид усмехается.

Он поворачивается назад и вытягивает из мешка махровый плед, а затем накрывает им меня, оставляя для себя лишь небольшой краешек. Я облакачиваюсь о его плечо и вдыхаю свежий воздух.

— Хорошо, что ты рядом — приносит он, и было видно, как напряжение спало. Я лишь молча улыбнулась, любуясь темно-синим небом.

— Луна сегодня такая красивая.

— Да, как никогда — вижу краем глаза очертание его улыбки.

Я еще сильнее улыбаюсь, ведь он даже не взглянул на луну. Его взгляд всю дорогу был прикован ко мне.

— Помнишь, когда мы встретились?

— Конечно. Разве я могу забыть тот день, когда впервые увидел твои глаза? Это было при свете полной луны.

— Да, было время, — мечтательно вздыхаю, невольно погружаясь в воспоминания. — Ну как ты их уложил тогда! — смеюсь звонко и заразительно, а Дэвид подхватывает мой настрой — его губы растягиваются в тёплой улыбке, а в глазах вспыхивают весёлые искорки.

Мы сидим в его старой, выдавшей виды машине — потрёпанном «Форде» цвета морской волны. Приборная панель слегка поскрипывает, в салоне пахнет кожей, немного бензином и едва уловимо — мандаринами: я недавно ела дольку, и аромат ещё не выветрился. За окном — тихая ночь, редкие фонари бросают желтоватые пятна света на асфальт.

— Да они трусы! Как же я рад, что успел вовремя, — голос Дэвида звучит твёрдо, уверенно. Он сжимает руль, будто всё ещё мысленно там — в том моменте, когда нужно было действовать быстро.

— А я тогда правда думала, что это конец. Я решила, что плата за желание станет таким... — слова вырываются сами, прежде чем я успеваю их остановить.

— Желание? — Дэвид приподнимает брови домиком, поворачивает ко мне голову, и я, наконец, понимаю, что выпалила лишнее. В свете уличного фонаря его лицо кажется особенно выразительным: тени подчёркивают скулы, а глаза смотрят пристально, выжидающе.

— Эмм... Да так, не бери в голову, — пытаюсь отмахнуться, но получается неубедительно. Я нервно поправляю прядь волос, упавшую на лицо, и отвожу взгляд к окну. Там, за стеклом, медленно кружатся редкие снежинки, словно пытаюсь что-то сказать.

— Нет уж, говори раз начала, — настаивает он, и в его голосе звучит не просто любопытство — в нём забота, тревога за меня. Он чуть наклоняется вперёд, локти на руле, взгляд не отпускает.

— Я нашла проклятый дневник, загадала желание по приколу, чтобы переехать, но только потом поняла, что за эти желания дневник потребует плату... — выдыхаю я, и слова повисают в воздухе, будто тяжёлые капли.

— Что за глупости. Как можно просить такое у дневника? Особенно который нашла на улице, — Дэвид хмурится, качает головой. Его пальцы непроизвольно сжимают руль сильнее, костяшки белеют.

— Я не думала тогда... — шепчу я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Да, твоя жизнь висела на волоске сотню раз! — его голос становится жёстче. — Сначала нападение, потом кома, клиническая смерть, вечные издевательства от Лали! А что будет теперь? Может, всё это из-за проклятого дневника.

— Не из-за него... Это Всевышний проверяет меня на стойкость, но я уже давно покаялась, — я затихла, опустив взгляд на свои руки, нервно теребящие край свитера. В салоне повисает тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на приборной панели.

Дэвид по-прежнему злится — это видно по его напряжённой позе, по тому, как он стискивает зубы. Но я продолжаю, голос дрожит, срывается:

— Думаешь, мне не было страшно? Моя жизнь за эти два месяца изменилась на «до» и «после». Всё пошло по одному месту. Думаешь, я не плакала? Не жалела о содеянном?! — голос окончательно срывается, и по щеке скатывается слеза, оставляя влажную дорожку. Я не вытираю её — просто смотрю перед собой, в темноту ночи, где снежинки всё кружатся и кружатся, будто оплакивая что-то.

Дэвид обнял меня, постарался успокоить. Я знаю, что он просто беспокоиться обо мне, но иногда я просто не выдерживаю.

— Где сейчас этот дневник?

Я осторожно обернулась и потянулась к чемодану. Достāju его замотанного в крафтовую бумагу, а затем отдаю Дэвиду. Он осторожно берет его и снимает упаковку, а затем замирает как вкопанный.

— Что такое? — мой взор блуждает, а в душе оцепенеет страх.

— Это этот дневник?.. — он робко смотрит на меня в ужасе, и я киваю — Мама подарила мне его, когда мне исполнилось тринадцать.

Дэвид резко переворачивает его и смотрит на выгравированные царапины с инициалами ЗД, как я не замечала их раньше?

— Да, точно, это он. Нужно сжечь его.

В голове было миллион вопросов, но я послушно вышла из машины вслед за мужем. Он взял из бардачка спички и схватил дневник, словно боялся, что он исчезнет. Мы миновали гаражи, мусорные баки, от которых исходило протухшим сыром и, наконец, пришли на задний двор.

Кто-то здесь уже разводил костер, поэтому мы воспользовались деревяшками и железной лункой. Дэвид кинул дневник, так что его страницы раскрылись, и затем кинул в него спичку. Дневник вмиг загорелся и я почувствовала облегчение. Почему я не могла сделать так раньше?

Запах гари и яркого пламени поднялся над пятиэтажным зданием. Сильный ветер шелестел опавшими листьями. Мы смотрели на то, как горел дневник. Не знаю как Дэвид, но я собиралась дожидаться, когда от него окончательно ничего не останется.

Словно в самом страшном фильме ужасов на странице побежала надпись черными чернилами:

«23:59 Повелительница Ланта начинает действовать».

Я вздрогнула и резко стала оглядываться по сторонам. Что здесь происходит? Дэвид попятился и, кажется, хотел бежать. Я приготовилась, но костер вмиг потух от сильного ветра, заставив нас застыть на месте.

Все страницы дневника и даже корешок были сожжены, кроме того листа и надписи. Дэвид опустился на корточки, разглядев в угле что-то блестящее. Он взял небольшую ветку с земли и стал тормошить пепел, пока не обнаружил два кольца из белого золота. На одном был камень желтый, как солнце, а на другом синий в виде острой луны.

Дэвид достал кулон, в виде острой луны, который весел у него на шее и я сделала то же самое, доставая его из-за хиджаба. Я поняла, о чем он подумал, и взяла в руки одно кольцо с круглым камнем. Медленно вставив его в отверстие, я обнаруживаю, что оно отлично подходит.

Дэвид делает тоже самое. Но когда я пытаюсь вытащить кольцо, оно как назло не выходит.

— Ну-ка, — Дэвид подходит ближе и пытается рассоединить их, дёргает то в одну сторону, то в другую, хмурится, закусывает губу. Но ничего не выходит. Металл словно сросся намертво, сопротивляется каждому движению. — Застряло...

Ничего не вышло, и мы поплелись обратно. Кольцо обжигало кожу ледяным металлом — будто не просто кусок стали, а что-то живое, злое, насмехающееся над нашими тщетными попытками. Я сжимала и разжимала пальцы, пытаюсь избавиться от этого ощущения, но оно не отпускало. Ночь пролетела незаметно — в тревожных полуснах, где кольцо разрасталось, охватывало всё тело, сковывало движения.

Палящее солнце разбудило меня первым — его лучи пробивались сквозь щели в занавесках, рисовали на полу яркие полосы. Затем взгляд упал на часы — стрелки безжалостно показывали одиннадцать. Время будто издевалось надо мной, отсчитывая минуты, которые мы уже не вернём.

— Правда? — он зевал и растягивался, разминая шею, потирал глаза, ещё не до конца понимая, что происходит. — Опоздываем! — я прокричала так громко, что от моих воплей проснулся и Дэвид. Голос сорвался на визг, в груди закололо от паники.

Да, тело действительно жутко ломило — каждая мышца ныла, будто мы не спали, а таскали мешки с цементом. Вчера сиденье не казалось таким неудобным, а теперь спина отзывалась тупой болью при каждом движении. Паника подскочила, захлестнула с головой, и я выскочила из машины, на ходу поправляя хиджаб — пальцы дрожали, ткань путалась, не слушалась.

— Да тут же близко! — кидаю я, но всё равно сажусь обратно, потому что ноги подкашиваются, а в голове стучит: «Быстрее, быстрее, быстрее!» — Подожди, на машине доедем, — Дэвид уже заводил двигатель, но я почти не слышала его.

Едва ли мы оказываемся возле ларьков, как недовольная толпа заполняет всё пространство — люди толкаются, кричат, машут руками, требуют внимания. Кто обслуживает людей? Присмотревшись получше, мы понимаем: это наши начальницы. Я встречаюсь с яростным взглядом моей — ледяным, пронизывающим насквозь, — и всё внутри обрывается.

«Мне конец», — проносится в голове, и желудок сжимается в тугой комок.

Толпа быстро рассосалась — начальницы не успевали их обслуживать, движения были резкими, нервными, лица — красными от напряжения. Лена была в бешенстве. Она вышла на улицу, наверняка чтобы покрыть меня трёхэтажным матом — кулаки сжаты, губы плотно сомкнуты, глаза метают молнии.

А сзади пыхтела Настя, владелица киоска напротив — её тяжёлое дыхание раздавалось за спиной, как предупреждение. Дэвид застыл, глядя на них широко раскрытыми глазами, в которых читался немой вопрос: «Что теперь?» В прочем, я тоже замерла, сердце билось где-то в горле, ладони вспотели, а в ушах стоял гул.

— Оба! — подловила Настя, и я опешила. — Уволены!

Нет, нет, нет! Только не это! Я не могу остаться без работы — мысли заметались, как загнанные звери. Без зарплаты не оплатить съёмную квартиру, не купить еду, не отправить деньги маме... В голове замелькали цифры счетов, сроки платежей, лица людей, которые на меня рассчитывают. Но на наши отговорки они не поскупились — слова отскакивали от их равнодушных лиц, как камешки от стены.

По итогу в гордом одиночестве мы потопали домой...

Домой. Да у нас же даже дома нет. Эта мысль ударила, как обухом по голове. Мы шли по улице, опустив плечи, и каждый шаг отдавался в груди тупой болью. Дэвид молчал, глядя себе под ноги, а я пыталась сдержать слёзы — они подступали к глазам, жгли веки, но я сжимала зубы и шла вперёд. Куда? Зачем? Что теперь делать? Вопросы крутились в голове, но ответов не было. Только пустота и холодный ветер, который будто шептал: «Всё только начинается».

Глава 2

«В час испытания не важно, откуда приходит угроза — важно, кто остаётся рядом. Рука в руке, сердце к сердцу — вот щит, что крепче любой магии»

Рамина Эдиева

Футбольное поле на окраине Санкт-Петербурга раскинулось зеленой лужайкой. Палящее солнце обжигает кожу и печет голову даже через хиджаб, поэтому я одалживаю кепку Дэвида, которую прихватила еще дома. На мне серая оверсайз кофта с нарукавниками и отверстием для большого пальца. Внизу светло голубая юбка в пол, на ногах кеды.

Внутри теплится детское предвкушение. Я так скучала по брату и подруге. После никяха они сразу же уехали в Воронеж. Но самое радостное это, то, что мама Аня развелась с ее отчимом. Отныне никто не станет издеваться над моей прекрасной Анячкой. Да и к тому же теперь рядом с ней будет Адам.

Адам рассказал ей, как сильно любит ее, но что не может иметь детей и, несмотря на это она захотела быть с ним.

Мы с Дэвидом шагали по каменистой тропинке к зеленому полю. Я предпочла забыться хотя бы на один час. Проблемы в последнее время поглотили нас с головой. Единственное что действительно радовало меня, это то, что Дэвид принял ислам. Он, правда, старается. Читает Коран, учит суры, я бужу его на утреннюю молитву и в целом у него все получается.

Поднимаю взгляд, когда мы отказываемся у поля и ловлю силуэт Ани и Адама. Я машу им рукой, как только они замечают меня.

— Как же я скучала по вам! — заточаю Аню в крепкие объятия, а затем и Адама.

— Вы так повзрослели! — шепчет моя рыжеволосая подруга, переводя взгляд на Дэвида.

— Мы не виделись всего месяц — подшучивает мой неугомонный муженек и мне хочется его придушить.

Пижаю его в бок, они с Адамом пожимают руки с братским хлопком. Возвращаю взор на Аню и замечая счастливый блеск в ее глазах. Все же брак пошел ей на пользу. На ней было надето легкое салатное платье в цветочек на бретельках ниже колена, а волосы были уложены в высокий хвост, с парой торчащих локонов впереди.

— Какая ты красивая! — беру ее руки в свои и шепчу: — Что-то случилось? Ты вся светишься!

Аня переводит взгляд на парней, явно желая поговорить со мной наедине и мы мигом ускользаем к лавочке, пока наши мужья обсуждали план предстоящей игры. Подруга задержала дыхание, а затем не в силах держать все в себе вымолвила:

— Я стану мамой... — она сказала это так тихо и осторожно, что я не сразу поняла услышанное.

— Конечно, обязательно станешь, нужно верить и...

— Я уже беременна.

— Что?! — я крикнула так громко, что парни испуганно обернулись в нашу сторону.

— Что случилось? — в один голос бросили они, а Аня заметно покраснела, ее щеки залились румянцем, словно лепестки роз на утренней заре. Она опустила глаза, но в уголках губ всё равно дрожала счастливая улыбка — та самая, которую невозможно скрыть, даже если очень постараться.

Я подскочила с места и воодушевленно замахала руками, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди от переполнявших меня эмоций. Каждая клеточка тела трепетала от радости, будто внутри меня взорвалась целая вселенная счастья. Взгляд пал на мою следующую «жертву» — Адама. Я чуть не запела от счастья, голос дрожал от восторга, а на глазах выступили слезы — слезы чистой, искренней радости за самых близких людей.

— Адам, и ты станешь отцом! — я говорила так, словно надеялась, что узнала первой, и в этот момент действительно чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

— Да, — он улыбнулся, и эта улыбка была какой-то особенной: робкой, немного растерянной, но такой светлой, что казалось, будто вокруг него засиял невидимый ореол. Он смущенно зачесал затылок, и я заметила, как слегка дрожат его пальцы — не от страха, а от непривычного, нового ощущения, которое ещё только начинало укладываться в сознании.

— Поздравляю, брат! — Дэвид приобнял его, хлопнув по плечу, и в его глазах я увидела неподдельную радость за друга. Но Адам, кажется, сам не до конца верил в это: его взгляд то и дело возвращался к Анюте, словно он искал в ней подтверждение реальности происходящего.

— А я говорила — нельзя сдаваться! — я схватила Анюту за руки и закружила её, не в силах сдержать бурю эмоций. — Нет, ну такое нужно отметить! А мама знает? А папа?

— Нет, вы первые узнали, — Анюта засмеялась, и этот смех был таким лёгким, таким свободным, будто с ее плеч только что свалилась огромная тяжесть. — Мы специально приехали, чтобы всем рассказать. Папа тоже сейчас в Питере — его пригласили на один завод работать.

— Я уже забронировал столик в одной кафешке, так что через два часа идем отмечать всё вместе, — добавил Адам, и его голос впервые за всё время прозвучал твердо, уверенно, как у человека, который готов принять новую роль в жизни.

— А пока сыграем пару партий? — Дэвид потер руки, его глаза азартно блеснули.

— Я еще в тот раз тебе пообещал, что отыграюсь, — Адам усмехнулся, и в этой усмешке читался вызов — дружеский, но серьезный.

— А вот это мы уже на деле проверим, — Дэвид выпрямился, расправил плечи, готовый к битве.

— Может, все же сыграем в волейбол? — с надеждой выдаю я, понимая, что если они начнут играть в футбол, то не успокоятся. Да и к тому же я не особо понимаю этот вид спорта. Я приподняла брови в ожидании, затаила дыхание — в этот миг все зависело от их решения.

Спустя пару секунд размышлений и переглядок они все же согласились на уступку.

— Ладно... — Адам отвел взгляд с досадой, но в его глазах уже загорались искорки азарта. Было видно, что он просто делает вид, будто уступает — на самом деле ему уже не терпится начать игру.

— Ура! — я радостно поднимаю руки в воздух, слегка подтанцовывая. Внутри всё ликovalo: я чувствовала себя ребенком, которому подарили самую желанную игрушку. Лёгкость разливалась по телу, а улыбка, казалось, вот-вот разорвет лицо от счастья.

Дэвид был заряжен на победу. Он выпрямил спину и скрестил руки на груди, ожидая, пока все соберутся. В его позе читалась решимость, а в глазах — тот самый боевой огонёк, который всегда появлялся перед игрой.

Мы поделились на команды, каждый со своей парой. Анюта и Адам что-то обсуждали и хихикали, их смех звенел, как серебряные колокольчики. Анюта время от времени касалась живота едва заметным, трепетным движением — осторожным, нежным, полным любви и удивления. Адам ловил этот жест, и на его лице расцветала улыбка — уже не растерянная, а гордая, счастливая, осознанная.

Я вдохнула полной грудью: воздух был напоен ароматом свежескошенной травы, смешанным с лёгким запахом пота и радости. Солнце ласково грело затылок, а ветерок играл прядями волос, словно поздравляя нас со всем этим чудом.

— Ну что там? Готовы? — Дэвид оглядел нас, и его улыбка стала шире, заразительнее.

— Готовы! — хором отозвались мы, и в этом едином возгласе слились все наши чувства: радость, волнение, предвкушение и безграничная любовь друг к другу.

Мы начали играть. Ловко бросали мяч, смеялись, подбадривали друг друга. Аня ловко подбрасывала мяч, ее глаза сияли, а Адам, хоть и делал вид, что сосредоточен на игре, то и дело бросал на нее теплые взгляды — полные нежности и гордости. Дэвид азартно подавал, а я старалась не отставать, чувствуя, как с каждым движением уходит напряжение последних дней, как радость заполняет каждую клеточку тела.

И всё бы ничего — мы смеялись, шутили, наслаждались моментом, — как внезапно небо посерело. Только что яркое солнце сменилось густым, плотным туманом. Он наполнил бесшумно, словно живое существо, окутывая поле пеленой, приглушая звуки и размывая очертания. Воздух стал тяжёлым, влажным, с едва уловимым металлическим привкусом.

— Что за... — Дэвид замер, нахмурившись, и огляделся. — Откуда взялся этот туман?

Мы переглянулись, и веселье в наших глазах сменилось тревогой. Туман сгустился с каждой секундой, скрывая деревья на краю поля, размывая линию горизонта. В нем не было ничего естественного — он двигался, клубился, будто управляемый чьей-то злой волей.

А потом из этой серой пелены начали формироваться фигуры. Они не выходили — они собирались из самого тумана: сначала расплывчатые очертания, затем все более четкие силуэты. Высокие, сгорбленные, с горящими красными глазами, они медленно приближались к нам, скользя по земле, будто не касаясь ее. Демоны. Их тени тянулись к нам, словно щупальца, а воздух наполнился низким, вибрирующим гулом — будто сама земля стонала от их присутствия.

— Бежим! — выкрикнул Дэвид, хватая меня за руку.

Паника накрыла нас волной. Аня побледнела, прижала руку к груди, но Адам тут же подхватил ее под локоть:

— Держись, все будет хорошо!

Мы бросились к парковке, где стоял желтый ламборгини Дэвида — яркий, блестящий, он казался островком реальности посреди этого кошмара. Дэвид на бегу достал ключи, нажал кнопку — машина пискнула, разблокировав двери.

— Быстрее, быстрее! — торопил он, распахивая водительскую дверь.

Я запрыгнула на переднее сиденье, Аня и Адам втиснулись сзади. Адам, не теряя времени, захлопнул дверь и тут же проверил, надежно ли она закрыта.

— Поехали! — крикнула я, оглядываясь назад.

Туманные фигуры уже почти достигли машины. Они колыхались, вытягивались, пытались дотянуться до нас своими дымными руками. Один из демонов, самый высокий, с изогнутыми рогами, протянул к окну полупрозрачную лапу — та прошла сквозь стекло, оставив на нем морозный узор.

Дэвид вдавил педаль газа в пол. Двигатель взревел, колеса пробуксовали на влажной траве, но машина рванула вперед, вырываясь из туманного плена. Я обернулась: демоны остались у края поля, их красные глаза еще несколько секунд горели в серой мгле, а потом все исчезло — туман рассеялся так же внезапно, как и появился.

— Ты видел это?! — выдохнула я, все еще дрожа от страха.

— Видел, — хрипло ответил Дэвид, не отрывая взгляда от дороги. — И лучше бы забыть. Аня на заднем сиденье прижалась к Адаму, ее руки все еще слегка дрожали.

— Что это было? — прошептала она.

Адам обнял ее, погладил по волосам:

— Не знаю, но мы вместе. И это главное.

Машина мчалась по дороге, унося нас прочь от странного происшествия. Солнце снова выглянуло из-за облаков, заливая мир теплым светом. Но в глубине души каждый из нас понимал: что-то изменилось. И, возможно, это был лишь первый знак чего-то большего...

Глава 3

**«Мы ищем в других то, чего не получили сами,
чтобы через них научиться дарить это себе. И когда
кто-то принимает нас — мы учимся принимать себя»**

Особняк Золотовых

Роберт что-то активно обсуждал по телефону. Он был на взводе и мчался к машине, едва замечая окружающую роскошь. Колонны с витиеватыми капителями, лепнину в стиле барокко, украшавшую фасад дома. Резные карнизы и фронтоны с затейливыми орнаментами словно укоряли его за спешку, напоминая о вековой солидности этого места.

— Для чего я вам заплатил? Чтобы еще больше людей стали твердить о том, что мой сын убийца?! — голос Роберта эхом отразился от высоких стен, подчеркивая напряжение момента.

Он положил трубку и выдал крик души, резко распахнув входную дверь. Бронзовые ручки на дверях особняка блеснули в лучах закатного солнца.

Елена еле успевала за мужем, ее каблуки торопливо стучали по мраморной лестнице с коваными перилами, увитыми декоративными завитками в цвете слоновой кости. Когда Роберт сбавил темп у кованых ворот, украшенных фамильным гербом, ей все же удалось с ним поговорить:

— И что они говорят? — в голосе Елены звучала не столько тревога, сколько привычная усталость, как у человека, который годами гасит чужие бури.

— Просто обнаглели в край! Удалили статью с основного аккаунта, зато выставили через редакторов и известных блогеров. А теперь и не докажешь ничего!

Роберт провел рукой по лбу, взгляд его скользнул по ровно постриженным кустам, охранявших парадный вход. Елена выглядела взволнованно, но не из-за скандала с прессой, к этому она давно привыкла. Дело было явно в другом. Она на мгновение задержала взгляд на витражном окне с цветочным орнаментом, где игра света и тени создавала иллюзию движения, а затем вымолвила на выдохе:

— Олег звонил... — она застыла в ожидании реакции мужа, нервно сжимая ремешок сумки. Ветер шевелил тяжелые парчовые шторы за распахнутым окном второго этажа, и на миг показалось, что сам особняк затаил дыхание.

Роберт затих, ибо эта тема самая животрепещущая за последнее время.

— Сказал, что едет в наш офис и хочет поговорить о чем-то. Я толком не поняла, говорит, что после ухода Лали все потеряло смысл и теперь заниматься бизнесом не за чем. Кажется, он собирается продать нам свое агентство по разумной цене.

— Серьезно? Да мы спасены! — Золотов вдруг засиял от счастья, расправив руки в облегчении.

Весь этот месяц он был занят хлопотами контракта с Крысалоновым. В тайне от всех он переговаривался с лучшими адвокатами страны, дабы обойти то соглашение стороной и выйти сухим из воды. Но все хором твердили, что если имущество переписано на него и все подписи стоят, то, к сожалению, ничего не выйдет.

А сейчас такая новость ощущается как глоток свежего воздуха!

Роберт выдохнул с облегчением и застыл в этом мимолетном наслаждении. Внезапно к воротам стал подъезжать почтальон в фуражке. Роберт громко расхохотался, все происходящее казалось ему долей воображения.

— Ленина семь? — выкрикивает тот, слезая со скутера, и Елена кивает — Тогда это вам — он протягивает белый конверт и садится обратно на красное сидение.

— Очень интересно... — с сарказмом тянет Роберт и берет письмо от неизвестного отправителя. — Кто в наше время отправляет письма по почте?

Елена пожимает плечами и с любопытством подходит к мужу, который уже начал раскрывать конверт. Звук скутера прорычал на весь двор и умчал в закат. Белая бумага была приятной на ощупь, не глянцевого, а махровой.

Надпись бежала по строкам черными чернилами. Подчерк вполне красивый и чистый, абзацы ровные, не косятся в разные стороны. Роберт внимательно всматривался, чтобы понять от кого же оно, но, так и не догадавшись, начал читать:

— «Доброго дня, это Рамина Эдиева. Знаю, нам с вами так и не удалось познакомиться лично, все так быстро произошло. Дэвид часто говорит о вас, волнуется. Надеюсь у вас все хорошо. Я пишу, чтобы сказать, что у нас все в порядке. Нам ничего от вас не нужно, но я не хотела бы, чтобы Дэвид разрывал с вами родственные связи. Я чувствую вину за это и прошу у вас прощения, если вдруг чем-то обидела. Хорошего вам дня».

— И все? — пробормотал Роберт, снова пробегаясь глазами по тексту — Я рассчитывал услышать просьбу, что-либо вернуть.

— Ты словно не знаешь своего сына. Эта девушка права, я сотню раз просила тебя одуматься. Для чего эта ссора? Наш сын всего лишь хотел быть счастливым. А теперь мы спасены от банкротства. Что может быть лучше?

Он застыл и стал хорошенько обдумывать происходящее.

— Дай мой телефон — вдруг вымолвил он, и Елена замельтешила, доставая его из сумки.

Рамина Эдиева

Мы ехали в кафе, мне до сих пор кажется, что увиденное лишь плод моего воображения. Но, смотря на испуганный взгляд Ани, становилось ясно, что этих демонов видела не только я.

Адам держал телефон с навигатором, показывая маршрут Дэвиду в страхе осматриваясь по сторонам. Дэвид нервно стучал по рулю указательным пальцем, поворачивая его налево.

Мы завернули в уютный район. Пятиэтажные дома здесь были отделаны желтым камнем. А с вывесок магазинов и кафе свисали роскошные цветочные декорации. Тут пахло сладкой ватой, и я с наслаждением вдохнула этот аромат, доносившийся из приоткрытого окна.

— Все, дорогие пассажиры, поездка окончена, вылезаете. — Произносит Дэвид, старательно разминая шею, после долгой дороги — Адам, вот скажи мне, пожалуйста, ты специально выбрал кафе, которое находится дальше всех?

— Конечно, хотел проверить, ты правда хорошо водишь или просто пантуешься. Хочу отдать должное, у тебя неплохо получается.

— Спасибо огромное ваше величество Адам, что вы оценили сервис нашего такси — он нарочно кладет руку на сердце, демонстрируя признание.

Я усмехаюсь, смотря на то, что они, наконец, нашли общий язык и больше не грызут друг друга из-за глупостей, а переводят все в шутку. Вылезаю из машины и подаю Ане руку, на что она почтительно кивает головой и смеется.

— Хочешь за мной поухаживать?

— Пока наши джентльмены додумаются, сто лет пройдет, так что возьми это на себя.

Хватаю подругу под руку и выхожу с парковки. Парни остаются на том же месте, что-то обсуждая.

— Рассказывай как тебе семейная жизнь? Как самочувствие? Что нового? — спрашиваю Анюту, пользуясь пока мы наедине.

— Мы ведь только вчера созванивались, что могло произойти за один день? — смеется она, пожимая плечами.

— Точно что-то произошло! К тому же ты стала так редко звонить и поболтать толком не можем, то я на работе, то ты. А людей в момент, когда я хочу позвонить, как назло становится слишком много.

— Ааа точно! Я же совсем забыла сказать, вчера мы с Адамом расписались — трепетала Анютка, показывая мне обручальное кольцо на безымянном пальце.

— Да ты что! А говоришь, ничего нового не могло произойти. Поздравляю! Получается поводов, что стоит отметить, стало еще больше.

Говорю как заядлый алкоголик, ахах.

— Еще токсикоз начался. Так раздражает! Меня от всего тошнит и порой даже от людей, единственное, что я могу есть это детские пюрешки.

— Попробуй попить мятный чай, где-то я читала, что он помогает.

— Надо попробовать, но пока ни один совет из интернета мне не помог, — отвечает она, рассеянно теребя край рукава. Мама в законе, ахах. Для полного комплекта мне только ковбойской шляпы и черных очков не хватает. О Боже, я старею... Явно старею, и мне это очень не нравится.

Слышу негромкие шорканья сзади и через боковое зрение замечаю очертания наших парней. Тени скользят по асфальту, вытягиваются и снова сжимаются. Они явно затеяли какую-то шалость.

— Бу-уу! — пытается напугать меня Дэвид, резко хватая за плечи.

— Я видела тебя. Я даже не вздрагиваю, только слегка улыбаюсь и спокойно шепчу, поворачивая голову:

— Ммм, сделала бы вид, что испугалась, — выдыхает он с досадой. Он отпускает мои плечи, отступает на шаг и играет, прижимая руку к груди: — Ты разбиваешь мне сердце, знаешь?

— Ты случайно в театральном не учился? Уж больно мастерски ты играешь.

— И это мне говорит та, которая в шутку может заплакать за три секунды?

Мотаю головой, будто я не при делах, хотя знаю что он прав. Ну, что поделать, вот такая у меня супер способность. Знаете, в детстве она мне неоднократно пригождалась.

Никогда не думала, что смогу в этом признаться.

Мы подходим к кафе. Над входом покачивается деревянная вывеска с витиеватой надписью, а у дверей стоят цветочные ящики с пышными петуниями, розовыми и лиловыми. Из открытых окон доносится пение птиц, записанное на аудио и аромат свежемолотого кофе.

Как только я вижу маму, сидящую у окна за длинным деревянным столом внутри становится так спокойно, что я резко улыбаюсь. Она выглядит чуть уставшей: под глазами тени, но улыбка та самая, родная, от которой теплеет на душе.

Слезы наворачиваются сами собой, сердце сжимается от счастья. Я почти бегу к ней, обнимаю крепко-крепко, утыкаюсь носом в плечо.

— Мама... — шепчу, чувствуя, как напряжение последних недель тает.

Рядом раздаются радостные возгласы: Аня ринулась к своей маме Ирине, обнимая ее так, что та чуть не опрокидывается на стул. А Адам подходит к моему новоиспеченному отцу и своему тоже. Они хлопают друг друга по спине, смеются. В этом звуке столько тепла, что оно будто разливается по всему залу.

После долгих обнимашек я все же отстраняюсь от мамы, заглядываю в ее глаза, такие же карие, как у меня, но с зеленоватым блеском. Но тут же ощущаю на себе взгляд Дэвида: он стоит чуть поодаль, засунув руки в карманы, и смотрит на эту семейную идиллию, не зная, куда себя деть. В его глазах виднелась смесь тоски и неловкости. Я знаю, о чем он думает: его отношения с родителями никогда не были такими.

— Дэвид, идем к нам. Понимая это, я резко бросаю:

Он слабо улыбается, кивает и подходит к столу. Пожимает руку Демиру, все-таки тесть. Затем поворачивается к моей маме. Та, не дожидаясь формальных приветствий, протягивает ему руку с теплой улыбкой.

Они ведь теперь махрамы.

Глава 4

«Мы думаем, что рвем цепи, а на самом деле просто тянем их за собой. И однажды звонок из прошлого напоминает: ты все еще на том же конце веревки»

Мы садимся за стол. Официант приносит блюда: ароматный шашлык, лепешки с хрустящей корочкой, салат цезарь с курицей, черный чай и картофель фри. Воздух наполняется запахами специй, хлеба, чего-то домашнего и уютного.

Разговор начинается сам собой.

— Как же хорошо, что мы все собрались сегодня — торжественно гласит Демир... То есть мой отец и я внезапно вспоминаю, что так и не поздоровалась с ним, из-за чего мне становится неловко.

Мне сложно подпускать людей слишком близко и впускать кого-то в свою жизнь. Поэтому пока наши отношения очень отстраненные. А вот Адаму я безумно рада. Просто, он такой душка! И мы действительно очень сильно похожи.

Все приступают к еде, но Анюта продолжает сидеть смирно, стараясь дышать ровно. Они с Адамом перешептываются, и я понимаю, что именно сейчас они сделают объявление. Поэтому я откладываю столовые приборы и киваю ей, чтобы она не переживала.

— У нас есть новость, — начинает Адам, а Анюта слегка краснеет.

— Да? И какая? — увлеченно спрашивает мама и кладет на кончик языка оставшийся на вилке помидор черри.

— Мы скоро... — Он пытался подобрать правильные слова — Станем родителями.

— Это правда? — подскочила радостная Ира, обращаясь к Анюте, и она тут же кивнула, интенсивно размахивая рукой, как веером, чтобы не заплакать.

Отношения Адама и мамы развивались гораздо стремительней, чем мои с отцом. У них выстроилась отличная эмоциональная связь, так что порой мне казалось, что мама болтает с ним даже больше, чем со мной.

Ладно, признаюсь честно, по началу я даже обижалась, но сейчас рада, что у них все так легко. Именно поэтому мама знала о том, что Адаму поставили бесплодие. Она не одну ночь молилась Всевышнему, чтобы он даровал ему ребенка, и вот чудо свершилось!

Думая об этом по телу даже прошлись мурашки. Я прослезилась, так, будто только сейчас узнала об этом. Мама тут же заточила Адама, а затем и Анюту в крепкие объятия.

В этом плане мы с ней очень сентиментальные, поэтому через пару секунд рыдали как ненормальные в обнимку с Ирой. Пожалуй, за последние полгода эта самая лучшая новость, которую я слышала.

— Как же я рада! Хвала Всевышнему! — вытирала мама слезы.

Вокруг тут же поднимается радостный гвалт. Все начинают поздравлять друг друга. Анюта не сдерживается и пускает слезы. Я сажусь за стол рядом с Дэвидом, пока наши остаются в центре большого зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.